

КОГДА ЛОЖЬ СТАНОВИТСЯ
ТВОИМ ВЕЛИЧАЙШИМ ШЕДЕВРОМ

ИСКУССТВО ОБМАНА

МАРИ
СЕЛИН

18+

Мари Селин

Искусство обмана

«Автор»

2026

Селин М.

Искусство обмана / М. Селин — «Автор», 2026

Для Элоизы Дюваль первая большая выставка в Париже — шанс наконец услышать, что говорят о её картинах, а не о её фамилии. Девять полотен, месяцы работы и один вечер, которого она ждала так долго, что теперь боится в него поверить. Лоран Дюпре, наследник сети галерей, видит в её работах то, что она сама порой не умеет объяснить. С ним легко спорить и ещё легче оставаться собой. Джеймс Рид появляется случайно, за столиком у Сены. Он старше, слишком уверен в себе и смотрит на Элоизу так, что ей трудно скрыть, насколько он её притягивает. Выставка приносит успех. Следом приходит обвинение в плагиате, и Элоизе приходится защищать своё имя и картины, которые она считала самой честной частью себя. Но с людьми всё сложнее, чем с живописью: иногда ложь замечаешь лишь тогда, когда уже успела влюбиться.

© Селин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мари Селин

Искусство обмана

Глава 1

Элоиза начинала подозревать, что девушка за роялем её ненавидит. Справедливо. За последние три дня она семь раз переделала её правую руку, дважды извинилась перед ней вслух и один раз всерьёз подумала, не написать ли поверх всего этого натюрморт с лимонами. С лимонами они хотя бы не спорили бы о том, пора ли им что-нибудь делать. Отложив кисть, Элоиза села напротив холста.

Пианистка сидела к ней спиной под высокими антрацитовыми арками концертного зала. Перед ней белели клавиши. Картина должна была поймать мгновение перед первой нотой — ту короткую паузу, когда зал уже затих, а музыкант ещё принадлежит себе. Но девушка выглядела так, будто ждала разрешения сыграть.

— Отлично, — пробормотала Элоиза.

В больших окнах мастерской отражались лампы и её собственные движения. За стеклом дождь размывал очертания дома напротив. Начался он ещё засветло, неожиданно и с таким усердием, словно собирался за один вечер выполнить план на всю осень. Капли барабанили по наружному подоконнику, а от приоткрытой створки тянуло сыростью. Она поднялась закрыть окно. Внизу, на узкой улице, мужчина пытался укрыть газетой голову женщины, пока они перебегали к припаркованной машине. Газета промокла раньше, чем они добрались до дверцы. Женщина заливисто рассмеялась на всю улицу, мужчина между тем посмотрел на размокшие страницы, смял их и тоже начал смеяться, доходя уже до машины.

У Элоизы чесались руки запечатлеть этот момент. Прекрасная причина однажды написать ещё одну картину. Ужасная — отвлечься от этой. Задвинув раму, она вернулась к мольберту. Мастерская находилась отдельно от родительского дома. Здесь не приходилось убирать краски перед ужином или объяснять, почему один и тот же стул вторую неделю стоит посреди комнаты.

Когда Элоиза впервые увидела это помещение, оно показалось почти чересчур аккуратным: кремовые стены, светлый паркет, высокие окна и столько свободного места, что собственные шаги казались слишком громкими. С тех пор всё заметно изменилось — преимущественно против её воли. На стенах появились пятна, которые так и не удалось отмыть. У широкого рабочего стола теснились банки с кистями, тюбики масла, карандаши, ножницы и книга, начатая месяц назад. По вечерам Элоиза иногда брала её в руки, прочитывала страницу и обнаруживала, что всё это время смотрела поверх текста на холст.

За невысокой перегородкой находилась глубокая раковина. Когда-то белая. Теперь возле слива остались бледные следы охры и синего, а на краю — сероватая полоса, пережившая уже несколько средств для чистки и, судя по всему, собиравшаяся пережить саму хозяйку. Рядом стоял металлический стеллаж с растворителями, грунтами, чистыми банками и коробками с материалами, которые она регулярно покупала про запас, а потом забывала, что уже купила.

У второго окна расположился диван. Формально — для гостей. На практике гости обычно садились на стулья, потому что диван был занят книгами, свитером, блокнотами или самой Элоизой. Сегодня на одном подлокотнике лежал кремовый кардиган, а на другом — альбом, раскрытый на репродукции, которую она рассматривала вчера за кофе.

Стоявший рядом столик почти всегда служил временным пристанищем для чашек. Слово «временным» было несколько оптимистичным. Центр мастерской она старалась остав-

лять свободным. Нужно было отходить от холста на несколько метров, менять угол, смотреть на работу издалека, поэтому лишнюю мебель сюда почти не допускали.

Почти. Потому что тот самый стул всё-таки стоял посреди комнаты вторую неделю. Восемь готовых картин выстроились вдоль дальней стены, укрытые от пыли. Девятая занимала середину мастерской и в последнее время распоряжалась настроением хозяйки с неприличной свободой. Можно было оставить руку пианистки как есть.

Никто, кроме автора, не знал, сколько раз та поднималась над клавишами и возвращалась обратно. Возможно, посетители выставки увидят в позе пианистки именно то, что Элоиза искала. А возможно, пройдут мимо, потому что стоящее у соседней стены «Красное пальто» притягивало взгляд куда быстрее.

На картине девушка застыла между дверью и высоким зеркалом. Красное пальто уже скользнуло по одной руке, но второе плечо так и осталось открытым. По изгибу кисти невозможно было понять, какое движение последует дальше: она торопливо надевает его перед выходом или, наоборот, только что вернулась и собирается снять. Вокруг всё было спокойнее — приглушённые оттенки стены, тёмная дверь, холодноватое отражение в зеркале. Поэтому красный замечался первым. А уже потом — остановившаяся на полпути рука и странное ощущение, будто зритель застал девушку в секунду, которая ему не принадлежала.

Элоизе нравилась эта неопределённость. Она ничего не объясняла и не требовала от фигуры большего, чем один незавершённый жест. В отличие от проклятой руки пианистки. Эта мысль уколола, и Элоиза тут же на себя рассердилась. Она любила «Красное пальто». Не стоило ревновать одну собственную работу к другой.

Выставка была назначена на середину сентября. Эдуард познакомил Лорана Дюпре с её картинами раньше, чем сестра успела познакомиться с ним самим: отправил портфолио, получил ответ и позвонил, не дожидаясь конца своего рабочего дня. Лоран согласился предоставить зал. Тот момент запомнился удивительно хорошо. Элоиза стояла у этого же стола с тюбиком краски в руке. Сначала дважды переспросила брата. Потом обвинила его в том, что такие новости сообщают лично, а не по телефону.

Эдуард ответил, что лично она успела бы перебить его ещё до главного. Он, к сожалению, был прав. Собственной выставки Элоиза ждала давно. Теперь, когда открытие действительно приближалось, хотелось то позвать в галерею весь Париж, то спрятаться за одной из восьми готовых картин и наблюдать из укрытия.

Она знала, чего опасалась. Семью Дюваль в определённых кругах Парижа знали куда лучше, чем её работы. И причин для этого хватало. Компания отца занималась реставрацией исторических зданий и крупными проектами с недвижимостью. Имя Филиппа Дюваля регулярно появлялось там, где речь шла о старых особняках, дорогих контрактах и зданиях, которым предстояло получить вторую жизнь. Эдуард уже несколько лет работал вместе с ним и всё глубже входил в семейный бизнес, всё больше и больше расширяя его.

Мать была известна по другой причине. Благотворительный фонд Катрин работал по всей Франции, и с детства Элоиза привыкла к приёмам, мероприятиям и людям, которые здоровались с её матерью так тепло, словно были давними знакомыми. Возможно, так и было, но сама Катрин иногда вспоминала их имена только по дороге домой, потому что невозможно запомнить столько лиц. Дювали не были семьёй, которую фотографировали на каждом углу и обсуждали в светской хронике каждую неделю. Но в нужных кругах их знали. Архитекторы, владельцы недвижимости, коллекционеры, люди из искусства и благотворительной среды — эти миры пересекались куда чаще, чем могло показаться со стороны.

И фамилия Дюваль могла открыть дверь ещё до того, как Элоиза успевала постучать. Именно поэтому предстоящая выставка одновременно радовала и пугала. Благодаря Эдуарду ей открылся путь в галерею, и делать вид, будто этого не произошло, она не собиралась. Брат

помог, потому что верил в неё. Но самое важное — Лоран согласился только после того, как увидел и рассмотрел картины. Или же ей хотелось так думать.

Ни своей семьи, ни возможностей, которые та давала, Элоиза не стыдилась. Было бы смешно отрицать очевидное. У неё имелась мастерская, возможность заниматься живописью столько, сколько нужно, не думая каждый месяц об аренде, и люди, готовые поддержать её ещё до того, как она успевала попросить. Но хотя бы здесь хотелось, чтобы всё начиналось с картин. Чтобы в день открытия посетители задерживались перед полотнами дольше, чем перед её фамилией в каталоге.

Чтобы, увидев имя Éloïse Duval, думали не только о том, чья она дочь. Рука пианистки опять привлекла внимание.

— Можешь хотя бы ты не думать о зрителях?

Умение давать советы нарисованной женщине при полном отсутствии такого умения по отношению к себе следовало считать талантом. Бесплезным, но всё-таки талантом. Элоиза взяла чистую кисть, приблизилась к холсту и подняла её к краю освещённой ладони. За спиной что-то дрогнуло и зазвенело о стекло.

Телефон. Он лежал на рабочем столе рядом с банками. На экране высветилось имя отца. И только тогда она поняла, что потеряла счёт времени, и это заставило её поморщиться.

— Чёрт.

В доме ужинали вместе, когда все могли приехать вовремя, и, понимая, как редко это удаётся, старались собираться хотя бы два-три раза в неделю. Последние несколько таких вечеров она пропустила, поэтому сегодня пообещала, что обязательно приедет. Потом открыла краски, поставила телефон на беззвучный и позволила пианистке поглотить остаток вечера. Элоиза успела ответить прежде, чем звонок закончился.

— Пап, прости, я...

— Сначала ответь, с тобой всё в порядке?

— Да. Всё хорошо.

Только после её ответа напряжение в его голосе немного ослабло.

— Полагаю, ты в мастерской?

— Угу, — виновато пробубнила она.

— Хорошо. Тогда объясни мне, почему ты не сочла нужным сообщить семье, где находишься, и не отвечала ни на сообщения, ни на звонки. Нормальный человек хотя бы предупреждает, что задержится.

Вздыхнув, она прикрыла глаза. Вот теперь началось.

— Пап... я просто засиделась.

— Про это я догадался. Но ты обещала быть дома к ужину.

— Знаю, — обречённо сказала она.

— Нет, Элоиза. Если бы знала, мы бы сейчас не разговаривали об этом.

Взгляд метнулся к часам.

— Я потеряла счёт времени.

— Это всё равно не оправдание, а скорее безответственность.

Его голос не повысился ни на полтона. В этом и была проблема. Когда отец действительно сердился, он почти никогда не кричал. Палец прошёлся по краю стола.

— Я очень виновата. Надо было хотя бы написать.

— Естественно, надо было. Твоя мать звонила тебе дважды. Эдуард уже собирался ехать в мастерскую.

— Серьёзно?

— А ты ожидала, что мы просто решим: раз ты художница, значит, можешь исчезнуть до утра?

— Я не исчезала.

— Для людей, которым ты не отвечаешь, разницы немного.

На это возразить было нечего. Элоиза выдохнула и покосилась на пианистку, словно та могла предложить достойный аргумент. Не предложила. Предательница.

— Я сейчас закончу и поеду.

— Нет. Ты сейчас уберёшь кисти и поедешь домой. Заканчивать будешь завтра.

Она нахмурилась.

— Папа, мне двадцать три.

— Я в курсе. Поэтому не приезжаю за тобой лично.

Невольно вырвался смешок.

— Очень великодушно.

— Не испытывай удачу.

— Хорошо, уже еду.

— И напиши матери тоже, не оставляй её без ответа на целый день.

— Обязательно.

— Жду дома.

Связь оборвалась раньше, чем Элоиза успела попрощаться. Несколько секунд она смотрела на экран. Потом перевела глаза на девушку за роялем.

— Ну что? Довольна?

Та, конечно, выглядела совершенно невиновной. Отправив матери сообщение с извинением, Элоиза опять осталась один на один с холстом. Ливень почти стих. Капли продолжали постукивать по подоконнику, но теперь между ними возникали паузы. Казалось, достаточно поправить ещё одну линию — и всё наконец встанет на место.

Именно так она думала час назад. А отец совершенно недвусмысленно велел убрать кисти. Ещё мгновение взгляд задерживался на освещённой ладони пианистки.

— До завтра.

Пианистка не возразила. Кисти отправились в раковину. Вода быстро окрасилась в мутно-серый, затем постепенно стала прозрачной. Элоиза промыла каждую, вытерла руки полотенцем, накрыла палитру и вернулась в основную часть комнаты. Проходя мимо дивана, подняла с пола карандаш и бросила на рабочий стол.

Потом проверила готовые полотна вдоль стены. У «Последнего букета» край защитной ткани соскользнул с рамы. Она поправила его и ненадолго задержалась рядом. На картине флористка стояла за рабочим столом в последние минуты перед закрытием. Перед ней лежал почти собранный чужой заказ — плотный букет, перевязанный ещё не до конца, ножницы, обрезанные стебли и несколько сорванных листьев. За стеклянной витриной уже темнела улица, и вечерний свет смешивался с тёплым освещением магазина.

Один цветок женщина держала отдельно. Она слегка подняла его к свету, словно хотела рассмотреть лучше, хотя в этом не было никакой необходимости. Букет предназначался кому-то другому, рабочий день почти закончился, вокруг не происходило ничего примечательного — и всё же именно этот короткий жест Элоиза когда-то заметила и унесла с собой.

На холсте невозможно было понять, вернёт флористка цветок в букет или оставит себе. Элоизе нравилось, что ответа там не было. И особенно нравилось, что эту картину не пришлось мучить семь раз подряд, прежде чем она наконец стала правильной. Лампы погасли одна за другой. Мастерская сразу стала другой: окна снова принадлежали улице, паркет поплёскивал у двери, очертания мебели растворились в полумраке, а пианистка исчезла в темноте первой.

* * *

Пока Элоиза запирала дверь, дождь казался почти закончившимся — редкие капли, влажный воздух, ничего такого, ради чего стоило бы доставать зонт. Бежевый Porsche стоял чуть дальше по улице, блестящий под светом фонаря. Обычно его цвет казался почти кре-

мовым, но сейчас, в мокром вечернем свете, стал чуть глубже. До машины оставалось всего несколько метров, поэтому зонт она решила не открывать.

Через десять секунд погода, очевидно, сочла это личным вызовом.

— Ну конечно.

Пришлось ускорить шаг, прикрывая голову сумкой, но до машины Элоиза всё равно добралась с мокрым рукавом и прилипшей к виску прядью волос. Внутри встретил привычный запах кожи и едва уловимый аромат её парфюма, к которому каким-то образом пришивалась краска. Кремовые сиденья, тёмная передняя панель, почти ничего лишнего. Только на пассажирском месте лежал блокнот, а в дверном кармане торчал карандаш, который она искала с прошлой недели.

Сумка полетела рядом. В зеркале заднего вида обнаружилось слегка растрёпанное отражение. Светло-каштановые волосы, обычно лежавшие мягкими волнами, от влажности завились сильнее и прилипли у висков. Зелёные глаза казались темнее, а возле правого виска обнаружилась тонкая серая полоска краски. Салфетка сделала только хуже.

— Прекрасно.

Домой, значит, она приедет в образе художницы, полностью преданной профессии. Утешало то, что там этот образ давно никого не впечатлял. Наконец двигатель ожил. Город ещё не опустел. Под навесом небольшой булочной двое мужчин пережидали непогоду с бумажными пакетами в руках; у дверей кафе официант собирал стулья, стараясь не задеть столик, за которым упрямо досиживала пожилая пара. Фары тянули по мокрой мостовой полосы света.

Париж не становился пустым из-за дождя — люди просто плотнее прижимались к стенам, делили зонты и быстрее перебежали дорогу. Такие случайные сцены Элоиза любила. Не потому, что обязательно собиралась когда-нибудь их написать. Большинство забывалось ещё до следующего утра. Но время от времени какой-нибудь жест застревал в памяти: рука на чужом плече, чуть повёрнутое лицо, женщина, придерживающая юбку на ветру.

Как та пара возле мастерской. Мужчина с бесполезной газетой. На одном из светофоров мысли опять вернулись к девушке за роялем. Если опустить её руку, поза станет спокойнее. Может быть, проблема именно в том, что в одном жесте Элоиза пыталась показать одновременно ожидание и желание действовать.

Загорелся зелёный, и машина тронулась с места. Утром всё будет видно иначе. До тех пор спор окончен. Высокая ограда появилась за поворотом знакомой улицы, следом — тёмные кованые ворота между двумя каменными столбами. За одним из них мягко светились окна помещения охраны. Камера над въездом повернулась вслед за Porsche, хотя необходимости в этом почти не было: машину здесь знали не хуже, чем её хозяйку.

Один из охранников вышел под навес и поднял руку в коротком приветствии. Элоиза улыбнулась и ответила тем же. Ворота начали разъезжаться ещё до того, как она окончательно сбросила скорость. За ними город словно отступал чуть дальше. Дорога потянулась через сад, тёмная от дождя. Низкие живые изгороди блестели от воды, между деревьями горели невысокие фонари, подсвечивая мокрую листву и гравий боковых дорожек. Участок не был огромным, но пространства хватало, чтобы с улицы дом почти не просматривался.

Особняк открылся лишь через несколько секунд. Большой трёхэтажный дом из светлого камня стоял в глубине сада. Симметричный фасад смягчали высокие французские окна первого этажа и узкие балконы с тёмными коваными ограждениями наверху. Центральная часть немного выступала вперёд, подчёркнутая широкими каменными ступенями и массивными двустворчатыми дверями. По обе стороны от входа горели настенные фонари, и их тёплый свет отражался на мокром камне.

Первый этаж был освещён почти весь. Через одно окно угадывалась гостиная, через другое — часть малой столовой. Наверху горело лишь несколько ламп. Для чужого человека дом Дювалей, вероятно, выглядел внушительно. Элоиза почти никогда об этом не думала.

Она знала его слишком хорошо: какую ступень у боковой лестницы Эдуард в детстве отколол мячом, какое окно в гостиной отец всегда открывал первым весной и где мать любила ставить цветы, когда ждала гостей.

Богатство вообще хуже всего замечалось там, где прожил всю жизнь. Для неё это был не особняк Дювалей. Просто дом. Машина свернула к площадке перед боковой частью здания. Чуть дальше находился закрытый гараж, а за ним дорога уходила к служебному въезду. Заглушив двигатель, Элоиза ненадолго осталась сидеть в тишине, пытаясь унять усталость.

После мастерской, дождя и дороги тёплые окна выглядели особенно уютно. Потом взгляд упал на часы. Уют немедленно приобрёл лицо отца.

— Да, да. Иду.

Будто Филипп мог услышать её через две стены и сад. Она забрала сумку и выбралась из машины. К тому моменту, как Элоиза поднялась по ступеням, входная дверь уже открылась.

— Добрый вечер, мадемуазель, — поприветствовала её горничная.

— Добрый.

Женщина приняла влажное пальто и почти незаметно задержала взгляд на сером мазке у виска. Это не укрылось от Элоизы.

— Даже не спрашивайте.

— Я ничего не сказала.

— Вот именно это истораживает.

Уголки губ горничной дрогнули. В просторном холле пахло свежими цветами. Они стояли на длинной консоли под большим зеркалом между двумя глубокими синими креслами; рядом кто-то оставил сложенный зонт. Каменный пол тянулся до основания широкой лестницы, ведущей наверх. Тёмное дерево перил отливало в мягком свете настенных ламп.

Справа через открытые двери виднелась часть гостиной — край дивана, низкий журнальный стол и книжный шкаф у дальней стены. Слева коридор уходил к малой столовой и кабинету отца. Дальше располагались помещения, которыми семья пользовалась реже: парадная столовая и более формальная гостиная, почти всегда выглядевшая так, словно никто из Дювалей там не жил. Зато здесь признаки жизни обнаруживались постоянно. На одном из синих кресел лежала папка Эдуарда. У зеркала — ключи отца. Рядом с вазой мать оставила планшет и тонкую папку с документами фонда, которые, видимо, принесла из кабинета и собиралась забрать с собой утром.

На полу блестели мокрые следы. Элоиза неловко задержалась у порога.

— Я вытру.

— Нет, я сама...

Горничная посмотрела на неё.

— Вы уже пытались однажды.

Ответ застрял, так и не появившись.

— Тогда на полу осталось больше воды, чем вы принесли.

Несколько секунд ушло на поиски достойного возражения. Безрезультатно.

— Вы до сих пор это помните? — побеждённо спросила она.

В глазах женщины мелькнуло веселье.

— Очень хорошо.

— Понятно. Значит, шанса исправить репутацию у меня нет.

— Сегодня — нет.

Пришлось признать: горничная помнила тот случай лучше самой Элоизы. Та поблагодарила её и сняла обувь. Из гостиной доносились голоса. До лестницы оставалось несколько шагов, когда в дверном проёме появился Эдуард. Брат остановился и неспешно окинул сестру взглядом — от влажных волос до сумки, из которой торчал край блокнота. Судя по виду, рабочий день закончился совсем недавно: пиджака уже не было, верхняя пуговица рубашки рас-

стёгнута, рукава закатаны до предплечий. На одном манжете остался едва заметный след светлой пыли — похоже, после офиса он опять успел заехать на объект.

Тёмно-каштановые волосы, обычно уложенные куда аккуратнее, к вечеру слегка растрепались. Серые глаза Эдуард унаследовал от отца — как и привычку ненадолго замолкать, прежде чем что-нибудь сказать. Правда, на этом сходство обычно и заканчивалось. Отцовская пауза могла заставить пересмотреть последние пять решений в жизни; у Эдуарда она чаще означала, что он придумывает, как именно сейчас над ней поиздеваться.

Брат и сестра вообще походили друг на друга меньше, чем Эдуард любил утверждать. От матери Элоизе достались зелёные глаза и более мягкие черты, тогда как в лице брата было больше отцовского — чётче линия скул, прямее нос, резче очерченные брови. Но стоило ему улыбнуться, и вся эта серьёзность исчезала настолько быстро, что иногда становилось непонятно, как кто-то в деловых переговорах вообще воспринимает его всерьёз.

Хотя, судя по всему, воспринимали. Эдуард умел становиться серьёзным именно тогда, когда требовалось. Просто сестре эту версию себя показывал нечасто. Сейчас в его глазах уже появилось знакомое выражение.

— А мы начали обсуждать, ставить ли тебе в мастерской кровать.

Элоиза склонила голову и заговорщически сказала:

— Надеюсь, хотя бы выбрали с хорошим матрасом.

— Я предложил раскладушку. Папа сказал, что тогда ты вообще перестанешь приезжать домой.

— Вот видишь. Он думает намного разумнее, чем ты.

Эдуард прижал ладонь к груди.

— Какая неблагодарность.

— За раскладушку?

— Зато бесплатно.

— Удивительная щедрость.

Он усмехнулся, подошёл и быстро обнял сестру одной рукой. Второй всё ещё держал стакан воды. От него пахло привычным парфюмом и чем-то пыльным — ещё одно подтверждение поездки на объект. Отец иногда жаловался, что сын привозит домой половину реставрируемых зданий на обуви. Впрочем, сам поступал точно так же.

— Папа уже успел прочитать тебе лекцию?

— Ну, естественно.

— Значит, всё серьёзнее.

— Ты пришёл меня пожалеть?

— Нет. Убедиться, что после разговора с ним ты всё ещё собираешься войти в дом, — сказал он и ущипнул её за щёку.

Элоиза шикнула и невольно улыбнулась.

— Как видишь, зашла.

— Тогда моя работа окончена.

— Какая самоотверженность.

— Не благодари.

Она толкнула его плечом и направилась к лестнице.

— Она приехала, — бросил Эдуард в сторону гостиной.

От простой фразы неприятно кольнуло совестью. Задержаться в мастерской она имела право. Заставить семью гадать, всё ли с ней в порядке, — совсем другое дело. Спальня находилась в дальней части второго этажа и выходила окнами в сад. Закрыв за собой дверь, Элоиза бросила сумку на мягкую банкетку у кровати.

Здесь всегда было тише, чем в остальном доме. Комната была просторной, но не казалась пустой. Высокие окна занимали почти всю внешнюю стену; за ними темнел мокрый сад, а

по стеклу медленно стекали последние капли. Светлые шторы были раздвинуты, и в их складках отражалось мягкое сияние ламп. Большая кровать стояла изголовьем к кремовой стене. Белое пушистое покрывало сбилось у подушек — утром хозяйка, как обычно, торопилась и оставила его именно так. У изножья находилась обитая тканью банкетка, на которой теперь лежали сумка и снятый кардиган.

Напротив — длинный невысокий комод с большим зеркалом. В углу возле окна разместился диван с небольшим столиком, а почти всю соседнюю стену занимали книжные стеллажи. Книги давно перестали помещаться только на полках: две лежали на прикроватной тумбе, ещё одна — раскрытая — осталась на диване. Мама однажды предложила перенести часть в библиотеку.

Элоиза тогда посмотрела на неё так, что предложение больше не повторялось. В дальней стороне находились две двери: одна вела в ванную, другая — в гардеробную. Сначала Элоиза отправилась в ванную. Здесь преобладали молочные и кремовые оттенки: камень, большое зеркало над двойной раковиной, стеклянная душевая и глубокая ванна у окна, которой она пользовалась значительно реже, чем обещала себе. На столешнице стояли флаконы, кремы и маленькая фарфоровая чашка, куда обычно складывались серьги, снятые на ходу.

Через несколько минут след краски наконец исчез с лица. После душа Элоиза вернулась в спальню в халате и направилась ко второй двери. Гардеробная занимала отдельную комнату. Встроенные шкафы тянулись вдоль трёх стен; за стеклянными дверцами висели платья, жакеты, блузы и пальто, ниже стояли ряды обуви. В центре находился широкий пуф, напротив — зеркало в полный рост.

Обычно здесь царил порядок, который сама хозяйка была не способна поддерживать дольше двух дней. Сегодня на пуфе уже лежало платье, брошенное утром после того, как она передумала его надевать. Из одного шкафа появились домашние брюки и мягкий джемпер. И только тогда Элоиза вспомнила, что завтра ей предстояло знакомство с Лораном Дюпре.

Взгляд сам собой скользнул к ряду платьев. Нет. Дверца решительно закрылась. Если начать выбирать одежду сейчас, до сна дело не дойдёт вовсе.

* * *

Когда Элоиза спустилась в малую столовую, разговор уже шёл полным ходом. Эту комнату она всегда предпочитала парадной, предназначенной для приёмов и семейных праздников. Здесь всё было проще: овальный деревянный стол, шесть мягких стульев, невысокий буфет и высокое окно в сад. На стенах висели несколько небольших работ и семейные фотографии, которые Катрин время от времени переставляла, хотя утверждала, что ничего подобного не делает.

Мать сидела ближе к окну, положив рядом планшет. Даже дома она сохраняла ту спокойную элегантность, которая, казалось, не требовала никаких усилий. Тёмно-каштановые волосы были собраны в низкий узел, несколько прядей к вечеру выбились у висков. На ней осталось чёрное платье, в котором Катрин приехала с работы, только серьги она успела снять и положила возле телефона. Внешне Элоиза была больше похожа именно на неё: те же зелёные глаза, более мягкие черты лица, похожий оттенок волос — хотя у дочери они были светлее.

Но в Катрин почти всё выглядело собраннее. Даже усталость.

— Я всё равно считаю, что двадцать минут на речь — слишком много, — говорила она, когда дочь вошла. — Люди приходят на благотворительный вечер не для того, чтобы слушать меня двадцать минут.

— Ты говорила то же самое в прошлом году, — заметил Филипп.

— Потому что и в прошлом году это было правдой.

Эдуард поднял глаза.

— В прошлом году ты говорила двадцать семь.

Катрин повернулась к сыну.

— Ты засекал?

— Мне было скучно.

— Какая чудесная поддержка семьи.

— Я пожертвовал почти полчаса своей жизни.

Элоиза не удержалась от улыбки и села на свободное место.

— О чём спорим?

— Твоя мать пытается убедить всех, что не умеет выступать перед людьми, — ответил Филипп.

— Я сказала совершенно не это.

— Смысл был примерно такой.

Катрин бросила на мужа взгляд, полный притворного недовольства, но спорить дальше не стала. Филипп сидел напротив дочери. Пиджак и галстук он уже снял, рукава белой рубашки закатал до предплечий. Седина у висков стала заметнее за последние годы, но во всём остальном отец почти не менялся: прямые плечи, резкие черты, внимательные серые глаза, которые Эдуард унаследовал практически без изменений. Только у сына выражение было легче.

Филипп мог смеяться, спорить за ужином и рассказывать о каком-нибудь абсурде на работе, но стоило ему стать серьёзнее — и дочь до сих пор на секунду чувствовала себя лет на десять младше. Сейчас он именно так на неё и посмотрел.

— Телефон завтра оставишь со звуком или же напишешь заранее.

Элоиза вздохнула.

— Да, папа.

— Надеюсь, ты меня услышала.

— Услышала.

— Хорошо.

Он выдержал её взгляд ещё секунду, а потом потянулся к графину.

— И садись уже нормально. Еда остывает.

— Вот это уже звучит гораздо приятнее.

Филипп посмотрел на неё поверх стакана.

— Не обольщайся.

Эдуард тихо усмехнулся. Катрин повернулась к дочери:

— Ты завтра к Лорану к одиннадцати?

— Да. Хотим пройтись по залам и окончательно решить, куда что повесить. Ещё рамы, свет... В общем, подозреваю, быстро мы оттуда не выйдем.

— Особенно если вы оба начнёте спорить, — заметил Эдуард.

— Мы ещё даже не знакомы.

— Поэтому у Лорана пока есть шанс.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

Филипп усмехнулся и отложил телефон.

— Девятую картину тоже повезёшь?

— Нет. Она ещё не готова.

Он заинтересованно приподнял брови.

— Ты третий день говоришь, что она почти готова.

— Потому что третий день она почти готова.

— Весьма убедительно.

В его голосе не было насмешки, но Элоиза всё равно покосилась на него.

— Осталась одна рука.

— Точно? — уточнила Катрин.

— Всё остальное меня наконец устраивает.

Эдуард перестал есть.

— Боюсь спрашивать, что не так с рукой.

— Ничего с ней не «не так». Просто она должна выглядеть так, будто девушка уже решила начать играть, но ещё не коснулась клавиш.

Элоиза подняла ладонь над столом, повторяя положение пальцев с картины.

— Вот примерно так.

Катрин внимательно проследила за жестом.

— Мне кажется, она просто ждёт.

— Да. Вот именно.

Пальцы немного изменили положение.

— А я не хочу, чтобы она ждала. Решение уже должно быть принято.

Филипп наблюдал за дочерью с другого конца стола.

— Тогда, может быть, проблема не только в руке?

— В смысле?

— Ты пытаешься показать всё одним жестом. Если зритель должен понять, что она уже приняла решение, это можно дать и позой. Плечами, корпусом. Я не художник, но сейчас ты уже минуту двигаешь только пальцами.

Элоиза прикусила губу. Это было до раздражения разумно.

— Я попробую.

— Вот теперь я точно запишу дату, — сказал Эдуард. — Элоиза только что добровольно признала, что папа мог сказать что-то полезное о живописи.

— Я сказала «попробую».

— Для тебя это практически капитуляция.

Она потянулась за хлебом.

— Продолжай, и я передумаю.

Филипп строго взглянул на сына, хотя в уголках его глаз уже появилось знакомое веселье.

— Оставь сестру в покое. Она хотя бы действительно попробует. В отличие от некоторых людей, которым я сегодня трижды говорил проверить смету до отправки.

Эдуард медленно опустил вилку.

— Вот зачем ты решил вмешаться?

— Потому что ты слишком расслабился.

Катрин тихо рассмеялась, а виновница недавнего опоздания с совершенно невинным видом продолжила ужин. Элоизе нравилось, что дома редко пытались говорить с ней об искусстве так, будто боялись сказать что-то неправильное. Мама могла не понять замысел и признаться в этом. Эдуард — пошутить. Отец — высказать мнение, с которым дочь совершенно не обязана была соглашаться. Наверное, именно поэтому его редкая похвала значила для неё так много.

Постепенно тема сменилась. Катрин вернулась к предстоящему мероприятию фонда, Эдуард попытался доказать отцу, что со сметой всё было не настолько драматично, как тот представлял, а Элоиза наконец нормально поела. К тому времени, как она поднялась из-за стола, за окном почти перестало моросить. Позже спальня встретила тишиной.

Дом постепенно затихал. Из коридора больше не доносились шаги, за стеклом темнел сад, на листве блестела влага. Элоиза включила лампу возле кровати и нашла книгу, которую собиралась дочитать ещё на прошлой неделе. Раскрыла на заложенной странице, устроилась среди подушек и прочла один абзац дважды. Героиня уже успела сбежать из замка. От кого и зачем — понятия не имелось. Пришлось перевернуть страницу. Потом вернуться обратно. Безнадёжно.

Телефон лежал рядом. В галерее оставалась фотография «Перед первой нотой», сделанная днём при хорошем освещении. Рука сама потянулась к нему. Большой палец задержался

над экраном. Достаточно было открыть снимки и посмотреть всего лишь один раз. После слов отца особенно хотелось проверить не только руку, но и плечо пианистки.

Экран уже почти открыл нужную фотографию, но в последний момент она нажала на боковую кнопку и отключила телефон. Элоиза поставила будильник и вернула телефон на тумбу. Завтра она снова поедет в мастерскую. Посмотрит на девушку за роялем после сна, при дневном свете, и, возможно, наконец поймёт, что именно мешало закончить картину.

А сегодня было достаточно. Даже если пианистка считала иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.